

Научная статья
УДК 343.01:343.13
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-3-63-68>

**Дискуссионные вопросы соотношения
уголовной ответственности и привлечения лица
в качестве обвиняемого (часть 2)**

Лапатников Максим Владимирович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, maks4@mail.ru

Аннотация. В данной статье продолжается критический анализ существующих в отечественной правовой науке взглядов на сущность и пределы такого правового феномена, как уголовная ответственность в связи с уголовно-процессуальным институтом привлечения лица в качестве обвиняемого. Автор отстаивает тезис о том, что уголовная ответственность возникает только по результатам состязательного судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, подозреваемый, обвиняемый, меры государственного принуждения, привлечение в качестве обвиняемого, наказание, обязанность, преступление

Для цитирования: Лапатников М. В. Дискуссионные вопросы соотношения уголовной ответственности и привлечения лица в качестве обвиняемого (часть 2) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 63–68. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-3-63-68>.

Original article

**Discussion issues of the relationship
between criminal responsibility and bringing a person
as an accused (part 2)**

Maksim V. Lapatnikov

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, maks4@mail.ru

Abstract. In this article continues a critical analysis of the views existing in domestic legal science on the essence and limits of such a legal phenomenon as “criminal responsibility”, linking it with the criminal procedural institution of bringing a person as an accused. The author defends the thesis that criminal liability arises only as a result of an adversarial trial.

Keywords: criminal responsibility, suspect, accused, measures of state coercion, bringing as an accused, punishment, duty, crime

For citation: Lapatnikov M. V. Discussion issues of the relationship between criminal responsibility and bringing a person as an accused (part 2). *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3 (55), pp. 63–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2021-3-63-68>.

Окончание. Начало в № 2 (54).

В первую очередь обратим внимание на под-ход «уголовная ответственность – обязанность», где начало уголовной ответственности (его первый элемент) начинает отсчитываться с момента совершения преступления, так как лицо уже

на этом этапе предпринимает действия по уклонению от нее.

Мы исходим из того, что указанные действия лица еще не свидетельствуют об уголовной ответственности, в связи с чем некорректно

© Лапатников М. В., 2021

отождествлять уголовную ответственность (УО) и деятельность лица по уклонению как с фактической, так и с правовой точек зрения.

Наше возражение базируется на следующих умозаключениях:

а) недопустимости отождествления психологических переживаний и их последствий с УО;

б) понимании УО как прежде всего юридической категории, реализующейся в указанных законом правовых рамках;

г) действия предпринимаются не в рамках УО, а от угрозы ее привлечения;

в) несуществовании УО как реального явления до начала процессуальной деятельности.

Рассмотрим каждый из обозначенных выше доводов. Первый аргумент утверждает, что свои действия лицо, совершившее преступление, реализует в силу своих психологических переживаний по поводу возможных (будущих) ограничений и страданий, связанных с потенциальной деятельностью правоохранительных органов государства в рамках реакции на происшедшее. Данные переживания лица обусловлены тем, что, обладая способностью к абстрактному мышлению, осмыслению своей прошлой деятельности, человек реагирует на определенные идеи, возникающие в его сознании, прогнозируя при этом возможные изменения. Именно таким переживанием и являются тревоги, опасения по поводу возможного уголовного преследования со стороны государства, в силу чего он пытается избежать еще не наступившие для него негативные последствия.

Представляется, что испытываемая лицом по поводу своих преступных действий тревога, пребывание в депрессивном состоянии и действия, совершаемые для избегания последствий со стороны государства, не могут выступать в качестве элемента уголовной ответственности, так как такие переживания и действия слишком ситуативны и во многом зависят не от так называемой объективной обязанности дать отчет перед государством, а от его субъективной интерпретации. Объективная обязанность лица ответить устанавливается по итогам уголовно-процессуальной деятельности суда (судебного разбирательства), в ходе которой суд должен решить вопрос о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении, то есть разрешить обвинение по существу. До этого существует только лицо, предположительно совершившее преступление.

Что же касается уклонения лица от возможной, но еще не наступившей УО, то одни лица, предположительно совершившие преступление,

будут скрываться от правосудия, а другие нет. Более того, исходя из своих мировоззренческих взглядов лицо может испытывать, например, гордость, если оно является представителем преступного мира и при этом, будучи уверенным в своей безнаказанности, не скрываться, не уничтожать следы преступления, не сообщать ложные сведения, то есть никаким образом не препятствовать осуществлению уголовного судопроизводства.

Кроме того, скрываться, менять внешность и так далее может и невиновный человек, не доверяющий правоохранительной системе и сомневающийся в ее способности установить истинного преступника, либо лицо, ошибочно полагающее, что им совершено преступление. Получается, что в этом случае уголовной ответственности в виде обязанности дать отчет за свои действия (какие?!) начинает нести лицо, не совершавшее преступление, в то время как преступник, уверенный, что государство не сможет привлечь его к ответственности будет находиться вне уголовной ответственности. Неясно также и с ситуацией, когда действия по уклонению от правосудия осуществляет не преступник, а иные помогающие ему лица, например, близкие родственники, друзья. В отношении кого тогда в этом случае начинает реализоваться первый элемент уголовной ответственности?!

Второй довод утверждает юридическую природу уголовной ответственности. Безусловно, как и всякое явление, она не является изолированным от других аспектов общественной жизни, и в этом смысле можно говорить о моральных, психологических, культурных и других гранях преступного деяния. Но уголовная ответственность как вид юридической ответственности имеет свои присущие ей сущностные признаки, одним из которых является процессуальная форма реализации, вне которой ее осуществление невозможно [1, с. 312–313].

Тем самым мы исходим из того, что уголовная ответственность как правовой феномен не может существовать вне реакции государства в установленной правовой (уголовно-процессуальной) форме. Она не может быть возложена без решения главного вопроса уголовного права – вопроса о виновности, который решается исключительно в ходе процедур, установленных уголовно-процессуальным законодательством. Право государства на наказание устанавливается только по итогам судебного разбирательства, а до этого оно имеет только потенциальный характер. Иначе говоря, без уголовного процесса преступление и его

последствия существуют как социальный феномен и ничего более.

Таким образом, на момент совершения преступления уголовная ответственность существует исключительно в потенциальной форме, что и приводит нас к выводу о ее несуществовании как реального феномена. На наш взгляд, обязанность лица «дать отчет» перед государством может возникнуть только, если государство в свою очередь в правовых рамках установило сам факт совершения общественно опасного деяния и лицо, его совершившее. Действия лица по избежанию потенциальной уголовной ответственности связаны не с реальными ограничениями его правового статуса, а с возможностью наступления будущих негативных последствий, которые могут наступить, а могут и нет. Лицо уклоняется, по сути, от идеи, от мысленного прообраза уголовной ответственности, от того, что существует в его сознании и только. Уголовная ответственность еще не наступила, а лицо уже предпринимает усилия во избежание ее наступления. Утверждать, что в этот момент он уже начинает подвергаться уголовной ответственности, это как если бы предполагать раненым человека, одевающего перед боем бронезилет. Таким образом, уголовная ответственность в виде обязанности лица дать отчет за свои действия с момента совершения преступления существовать не может.

Но в отечественной науке и практике доминирующими являются взгляды, определяющие возникновение уголовной ответственности не сразу после совершения преступления, а с момента привлечения лица в качестве обвиняемого либо ранее (применение мер процессуального принуждения, наделение статусом подозреваемого). Основной посыл, несмотря на некоторую разницу в подходе к моменту начала уголовной ответственности, здесь следующий: уголовная ответственность начинается уже в процессе производства дознания или предварительного следствия, то есть задолго до признания лица виновным в совершении преступления [2, с. 8]. Согласно этой логике, уже при привлечении в качестве обвиняемого лицо обращается к обязанности отвечать за свои преступные действия, что и позволяет утверждать, что на стадии предварительного расследования происходит реализация первого этапа привлечения к уголовной ответственности.

Надо сказать, что этот тезис основывается на действующем законодательстве, так как в уголовном законе мы можем обнаружить нормы, подтверждающие, что именно органы

предварительного расследования привлекают и освобождают от уголовной ответственности (ст. 75–76¹, 299 УК РФ). В таком же ключе можно трактовать и ряд положений уголовно-процессуального закона (п. 2 ч. 1 ст. 154, п. 3 ч. 1 ст. 225, ст. 431, ч. 1 ст. 443 УПК РФ). Схему «привлечение к уголовной ответственности – привлечение в качестве обвиняемого» поддерживает и Конституционный суд Российской Федерации, отмечая, что «...привлечение лица к уголовной ответственности допустимо только при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения его в совершении преступления» [3]. Сохраняет актуальность и давняя позиция Верховного суда Российской Федерации о том, что датой привлечения лица к уголовной ответственности является дата вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а не время вынесения приговора» [4, с. 404].

Однако указанный тезис вызывает серьезные возражения. Мы оцениваем его как наследие советского периода, когда в силу социально-политических предпосылок уголовная ответственность реализовывалась единой следственно-судебной властью, решающей одни и те же задачи по искоренению преступности. На досудебном производстве органы предварительного расследования и прокуратуры как настоящие хозяева процесса дискреционно решали, когда и в отношении кого инициировать процедуру привлечения к уголовной ответственности. Суд же выступал в этом механизме ни как судья в полном смысле этого слова, ни как арбитр, призванный в идеале решить беспристрастно главный вопрос уголовного процесса, а как орган социалистической законности, одно из звеньев механизма применения уголовной репрессии. Как подчеркивается в литературе, «...несмотря на то, что советское правоведение подчеркивало главную роль суда в уголовном производстве, на деле в этом процессе доминировали органы следствия и государственного обвинения (организационно они могли быть как объединены, так и разделены), полностью контролировавшие содержание уголовного дела, а функции суда были, по сути, сведены к окончательной проверке качества работы должностных лиц на предшествующих стадиях» [5, с. 5]. По мнению исследователя судебной власти, советское управление судами представляло собой жестко иерархическую и структурированную систему под руководством КПСС в условиях тотального контроля за судами [6].

На процессуально-правовом уровне такое положение дел обуславливалось тем, что суд и органы расследования выполняют единые задачи, должны стремиться к единой цели (достижение объективной истины), руководствуясь при этом единым принципом полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела. На организационном уровне и суды, и органы предварительного расследования по сути составляли элементы единой вертикали власти под контролем партийных органов.

Но со времен существования Советского союза ситуация значительно изменилась. Поменялся экономический базис, политическая система, проведено масштабное реформирование уголовного правосудия. Конституция Российской Федерации настаивает на верховенстве права, презумпции невиновности и состязательности как на базовых, основополагающих императивах уголовного процесса. И если мы принимаем за «точку отсчета» правовой порядок (в смысле верховенства права), то очевидно, что советское и современное понимание уголовной ответственности не согласуется с идеалом правового государства. В правовом государстве только суд в условиях состязательной процедуры привлекает лицо к уголовной ответственности. Обвинение же есть тезис (версия) обвинительной власти о причастности определенного лица к совершению преступления и ставящее перед судом вопрос о привлечении его в связи с этим к уголовной ответственности. Именно такой смысл подразумевает так называемая «буржуазная» состязательность, независимо от того, к какой разновидности она относится (континентальной или англо-саксонской). Суд как независимого арбитра эта версия ничем не обязывает, кроме как рассмотреть дело по существу в условиях предоставления сторонам равных формальных возможностей по отстаиванию ими своих утверждений в общем порядке либо применении процедуры упрощенного рассмотрения дела, но при добровольном согласии сторон.

Мы видим следующие концептуальные «пророки» схемы «привлечение в качестве обвиняемого – начало уголовной ответственности»:

1) привлечение к УО вне рамок состязательной процедуры означает внесудебное привлечение к уголовной ответственности. В данной схеме субъектом привлечения к уголовной ответственности выступает не только и не столько суд, но и органы исполнительной власти в лице органов предварительного расследования и до 2007 года прокуратуры;

2) привлечение к уголовной ответственности (ее первый элемент) осуществляется не органом правосудия, а органом уголовного преследования;

3) отрицательная оценка лица со стороны государства и признания лица преступником происходит еще на досудебном производстве и фиксируется в акте привлечения лица в качестве обвиняемого;

4) привлекаемое в качестве обвиняемого лицо с этого момента (либо еще раньше – с момента наделения статусом подозреваемого) презюмируется виновным, что подтверждает ведомственная система статистических показателей, негативно оценивающая оправдательные решения. Предъявление обвинения означает по своей сути формирование презумпции виновности привлекаемого лица;

5) привлечение к уголовной ответственности осуществляется в условиях отсутствия реальных возможностей со стороны защиты противостоять обвинению. Реализация декларируемых куцых прав защиты ставится в зависимость от усмотрения стороны обвинения.

6) привлечение к УО по одному и тому же эпизоду предполагаемой преступной деятельности может происходить неоднократно путем вынесения новых постановлений о привлечении в качестве обвиняемого;

7) роль суда сводится к проверке обоснованности и законности ранее состоявшегося привлечения к УО как последнего (в идеале) проверочного звена единой технологической цепочки, а также определения меры уголовной ответственности при признании лица виновным.

Такой механизм возникновения уголовной ответственности и гипертрофированная роль института обвинения в нем является прямым следствием доминирования советской парадигмы, которая все властвует в умах людей. Но если для нас все еще актуальны смыслы, закреплённые Конституцией Российской Федерации, уголовно-процессуальным законом, другими основополагающими актами и программными документами в области уголовного правосудия, необходимо критически отнестись к советской технологии разрешения главного вопроса уголовного процесса. Наша критичность при этом носит относительно-исторический характер, так как мы признаем, что в иных социально-политических условиях многие критикуемые постулаты в принципе соответствовали потребностям той эпохи.

Но если мы нацелены на идеал правового государства, на состязательное построение уголовного судопроизводства, то должен быть

поставлен вопрос о пересмотре устоявшихся представлений о сущности уголовной ответственности, о ее субъектах, ее начале и в целом о соотношении уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. В этой связи мы квалифицируем действующий механизм предъявления обвинения как проявление следственной технологии привлечения к уголовной ответственности, где «судебно-следственная власть государства, единая и неделимая, проводит доказывание сквозь все стадии процесса к единой цели – объективной истине. При таком заинтересованном совместном расследовании обстоятельств дела, естественно предположить, что суд и следователь выступают союзниками в разрешении вопросов, возникающих относительно допустимости и доказательств, полученных предварительным расследованием (обвинительных доказательств), принципиальной оценки от суда трудно ожидать» [7, с. 257]. Требования же закона относительно доказанности обвинения (ч. 1 ст. 271 УПК РФ) мы определяем как «фигурный листок», прикрывающий одностороннее властное усмотрение обвинительной власти по привлечению лица к уголовной ответственности.

Такому построению обозначенного выше механизма противостоит взгляд на уголовную ответственность как на центральный вопрос уголовного процесса, который должен решаться в условиях судебной процедуры по правилам состязательного процесса, где сторона защиты имеет хотя бы формальные возможности по доказыванию своих утверждений. Только суд как орган правосудия, независимый от правоохранительной системы как в организационном, так и иных аспектах, вправе решать вопрос о привлечении к уголовной ответственности. До этого мы имеем исключительно деятельность стороны обвинения (органов уголовного преследования) по установлению фактических обстоятельств предполагаемого преступления, позволяющих выдвинуть утверждение (версию) о виновности конкретного лица в инкриминируемом преступлении.

Позиция о том, что уголовная ответственность возникает только по итогам состязательного судебного разбирательства, сама по себе не нова, и, как мы писали выше, высказывалась и в советское время. Но именно в настоящий период в совершенно иных условиях, чем в то время, необходимо ставить вопрос о переходе к новому пониманию УО как центрального понятия уголовного права и процесса, к формированию нового механизма предъявления обвинения.

Список источников

1. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. С. 312–313.
2. Наташев А. Ц. Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967.
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никитина Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 13.10.2009 № 1187-О-О. Сборник № 4 (2008–2009 гг.). URL: http://www.sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_7575.htm. (дата обращения: 25.02.2021).
4. Уголовный процесс России: учебник / науч. ред. В. Т. Томин.
5. Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции: сб. ст. / под ред. В. В. Волкова. М.: Норма, 2015.
6. Абдулин Р. С. Теория судебного управления в советской России // Genesis: исторические исследования. 2014. № 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13359 (дата обращения: 25.02.2021).
7. Терехин В. В. Стандарт допустимости судебных доказательств в состязательном уголовном процессе: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2014.

References

1. Morozova L. A. Theory of state and law: textbook. 4th ed., rev. and exp. Moscow: Eksmo Publ., 2010, pp. 312–313. (In Russ.)
2. Natashev A. T., Struchkov N. A. Fundamentals of the theory of corrective labor law. Moscow, 1967. (In Russ.)
3. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexei Nikolaevich Nikitin on violation of his constitutional rights by part one of Article 30 of the Criminal Code of the Russian Federation: determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.10.2009 no. 1187-O-O. Collection no. 4 (2008–2009). URL: http://www.sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_7575.htm (accessed 20.02.2021). (In Russ.)
4. The criminal process of Russia. Scientific. ed. V. T. Tomin. (In Russ.)
5. Accusation and acquittal in post-Soviet criminal justice: collection of articles. Art. ed. V. V. Volkov. Moscow: Norma Publ., 2015. (In Russ.)
6. Abdulin R. S. Theory of judicial administration in Soviet Russia. *Genesis: historical research*, 2014, no. 4. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13359 (accessed 25.02.2021). (In Russ.)
7. Terekhin V. V. Standard of admissibility of judicial evidence in adversarial criminal process: monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy, 2014. (In Russ.)

Информация об авторе

М. В. Лапатников – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Lapatnikov – Candidate of Science (Law), Assistant Professor.

Статья поступила в редакцию 15.04.2021; одобрена после рецензирования 27.08.2021; принята к публикации 31.08.2021.

The article was submitted 15.04.2021; approved after reviewing 27.08.2021; accepted for publication 31.08.2021.